

ИРИНА КОРОТКИХ

ОНОМАСТИКА ОДНОЙ СУДЬБЫ

Бытует мнение, что имя человека отражает его характер. Кто-то верит, а кто-то – нет. Но все-таки определенную черту, самую яркую, оно передает. Например, имя Геннадий в переводе с древнегреческого означает «благородный». К счастью студентов филологического факультета ВГУ, Геннадий Филиппович Ковалев именно такой преподаватель. К нему всегда можно обратиться с просьбой, и он поможет. Но, заходя к заведующему кафедрой славянской филологии, будьте бдительны. Оглянуться не успеете, как вас затянет в круговорот филологических шуток и анекдотов, после которых вы вовсе забудете, зачем приходили...

На часах без десяти пять. Коридоры факультета опустели. Пятница... Но на кафедре славянской филологии еще осталась одна благородная душа. Дверь заскрипела и сначала выглянула седая голова, а потом и все тело целиком. Геннадий Филиппович позвал нас в свою «обитель».

Мы расположились за большим круглым столом. А наш герой, приготовившись к долгой беседе, сел поудобнее в мягком кресле, загадочно улыбнулся и... начал рассказ.

ШКОЛА ДЛЯ РАЗГИЛЬДЯЕВ

Сейчас Геннадий Филиппович – педагог, учитель (это разные понятия!), один из немногих профессоров-славистов в Центральном Черноземье, заведующий лабораторией воронежского лингвотерапевтического имени профессора Собиной. Но, как и каждый из нас, когда-то он был школьником...

– Я очень благодарен родной школе за то, что в ней было «мужское» воспитание, – говорит профессор. – Почти все учителя были мужчины-фронтовики, они относились к нам, как к сыновьям. Они нас учили не сухой теории, а тому, как ее можно использовать в жизни. Поэтому мы часто хулиганили не столько из-за того, что были хулиганами, а потому, что хотели на практике «разобраться» с теорией.

Тогда же Гена Ковалев пристрастился к чтению и был частым гостем в библиотеках. Вообще,

в те времена люди бережней относились к книгам и взахлеб читали почти всё. Например, очередь в школьной библиотеке из желающих прочитать роман «Айвенго» Вальтера Скотта могла достигать двадцати человек. Но будущему слависту книгу давали без очереди. Такие вот привилегии постоянного читателя... Но, несмотря на страсть к книге, школьные занятия по литературе юноша недолюбливал:

– Нам вдалбливали акына Джамбула и Фадеева; ни Достоевского, ни Есенина в программе не было, поэтому мне было скучно. Успеваемостью я не отличался, гнаться за оценками в то время было не в моде. Поэтому в моем аттестате были тройки. Хорошие оценки были только по предметам, которые мне нравились: по географии, биологии, истории. Но математика, физика – это было не мое. По русскому языку я принципиально не учил правила. Зато писал грамотно, поэтому двойки по устным за-

нениям компенсировались хорошими оценками по письменным.

В общем, школа вывела меня и многих других разгильдяев и лоботрясов в большую жизнь.

УПАЛ С НЕБА И РЕШИЛ СТАТЬ ФИЛОЛОГОМ

Ковалев не сразу решил связать жизнь с филологией, а тем более со славянской. Он мечтал о многих профессиях. Сначала хотел стать геологом, потому что зачитывался книгами известного отечественного учёного-минеролога Александра Ферсмана, потом была мысль стать историком, точнее – археологом.

– Наша учительница в школе так заразила меня древней историей, что я и сейчас помню её уроки.

А потом заинтересовался радиофизикой. Как Ньюто́ну пришла гениальная идея, когда на голову ему упало яблоко, так и на нашего героя «свалилась» мысль, когда он собирал приемники, – мысль поступить на отделение радиофизики физфака ВГУ. У него были невысокие оценки по предметам, нужным для поступления, однако он все равно готовился, корпел над книжками. Но, увы! Судьба распорядилась иначе. В разгар вступительных экзаменов военкомат направляет призывника Геннадия Ковалева в воздушно-десантные войска Вооруженных сил СССР – прыгать с парашютом.

Служил Геннадий Филиппович в Литве, в городе Алитусе – ни много ни мало три года. Был в роте связи и дослужился до радиста первого класса. Правда, к прыжкам с парашютом допустили не сразу – не та рота. Но эту, как говорят десантники, «благодать» он тем не менее испытал.



Геннадий Филиппович Ковалев

– Прыжок с парашютом – это постоянное преодоление себя, огромное удовольствие не только от ощущения свободы, парения, а еще и от того, что ты преодолеваешь страх и выпрыгиваешь из самолета с высоты 4–5 километров от земли. За все время службы я совершил не более 25 прыжков.

Сегодня мой день рождения. Нас выбросили десантом на эстонский рыбачий остров Са-арема. Жара тут страшная. Градусов 30, не меньше. И воды нет. Делать нечего, придется пить из грязных луж. Эй, боец, наливавай водицы в пилотку, из нее пить будем. Эх, она ж соленая от пота...

Развернули радиостанцию. Молодого оставил сторожить, а сам пошел искать воду. Я-то выдержу без нее, а салага – нет. Выхожу из леса и вижу избушку почти на курьих ножках. Из нее старушка выглядывает. Подхожу, говорю, мол, дайте попить. А она мне руками показывает, машет, просит флягу. Протягиваю. Через пару минут фляжка вновь в моих руках. Открываю... а там молоко! Холодное, прекрасное молочко!

Старушка довольная смотрит на меня, наблюдает за моим изумлением. А я по карманам копать начал, денежку искал, чтоб заплатить. А она мне: «Не, не. Гут, гут». Она почему-то по-немецки говорить начала. Видимо решила, что если по-эстонски не пойму, то хоть по-немецки чего уразумею. И тут я услышал что-то похожее на «внук». Да, точно. Внук! И я понял по ее жестам, что у нее внук в России служит. «Во дела. Я тут, а он в России, – подумал я. – Каков же народ. Все ясно, даже если не знаешь языка, ведь народ говорит близко к тому, что чувствует. Эх, через 20 дней поступать на филфак.

Да, поступать боец ВДВ Ковалев собрался на филологический факультет. Виной тому стала блестящая библиотека в армии. Там наш герой вновь влюбился в литературу...

ГЕНОФОНД НАЦИИ

Ковалев поступил на филфак и сразу же взялся за учебу. Учился усердно, и не зря – окончил ВГУ с красным дипломом. Под чутким руководством профессоров Федоровой, Собинниковой, Поповой специализировался по словообразованию и ономастике славянских языков. После второго курса ему была назначена повышенная именная стипендия имени Льва Толстого, которую он получал до самого окончания университета. Геннадий успевал все: и учиться, и заниматься общественной работой (четыре года в комитете комсомола ВГУ отвечал за учебную работу).

В 1960-е годы учеба в воронежском университете была «весьма коллективной». Все ездили либо в колхозы, либо на фольклорную или диалектологическую практики. Но он и тут отличился. Его прельщала романтика студенческих строительных отрядов.

– Я так и не съездил на диалектологическую практику, потому что работал в стройотряде, но ездил на фольклорную. Так как я был коммунистом, на меня возложили опеку единственного негра на практике. Бабушки думали, что он обгорел, постоянно молочком угощали. Время было замечательное. После практики мы отчитывались по найденному материалу: половину частушек я собрал, половину придумал вместе с другом. Некоторые даже вошли в сборник «Частушки Черноземья». «Вот эти с хорошим юмором частушки! Видно, что народные!» – говорил профессор Лазутин. А мы ему в ответ: «Да-да. Это дед нам один читал!» – и хихикаем в сторонке. Хорошо было! В молодости всё хорошо!..

За сборник «Частушки Черноземья» Ковалев и несколько его однокурсников были награждены золотой медалью Министерства высшего образования. И это единственная награда, которой он удостоился за всю свою профессиональную деятельность.

Наш герой учился хорошо, успевая и общественными делами заниматься, и людям помогать:

– Одной девочке поставили тройку за экзамен. И я понимал, что она не выживет без стипендии. Знал ее ситуацию. И пошел к преподавателю. Поговорил с ним, уговорил оставить стипендию. А сейчас что? Студенты даже не знают друг друга на курсе. Не то чтобы помочь кому-то. Раньше ребята были сплоченные. Вообще, филфак – это необычный

факультет. Здесь – генофонд нации. Это люди, которые будут грамотно говорить, грамотно подавать литературу и историю. Юристов мы можем купить? Можем. Можем преподавателя иностранных языков купить? Можем. А можем мы купить русистов?.. Где мы их купим? В Америке? В Японии? И эти места сокращаются... Страшная вещь!

Если студент не помнит, как он сдавал экзамены, это может означать только одно. Что он не учился в университете. Ведь как можно забыть такое?

Готовились мы так: один студент читал одно произведение, второй – другое и так далее... А потом все это друг другу пересказывали. Опять же, в то время мы были одной командой. Был такой случай. Я не прочитал «Очерки бурсы» Николая Помяловского. Прихожу на экзамен. Говорю девочкам: «Ну-ка, о чем там речь? Что там важного?» Послушал, запомнил. И вытянул на экзамене как раз этот билет. Делать было нечего. Со стыдом в душе еле смог рассказать, что запомнил, а преподаватель меня останавливает и говорит: «Молодец, Ковалев, давайте следующий вопрос».

Из всех кафедр, существовавших на тот момент на факультете, будущего слависта привлекала только одна – кафедра славянской филологии. Там он и работает по сей день. Его курсовые были посвящены изучению польского и других славянских языков. Наверное, поэтому выпускник Ковалев мог свободно читать на всех современных славянских языках и делать переводы.

ДОМОЙ В ЯКУТИЮ!

В 1970-х годах в ВГУ существовал рейтинг выпускников, имевших право выбирать место распределения. Декан филфака Гудошников предложил Ковалеву, который был в списках первым, работу в Подмоскowie. Но Геннадий не искал легких путей – ему хотелось, чтоб было потрудней, поинтересней! Хотел пожить самостоятельно, где никакое начальство его не достанет. И ему предложили Якутию. Алексеевский район. Село Чимнай.

Откровенно говоря, это глушь. Ни водопровода, ни нормального туалета. А что уж говорить о телевизорах... Но наш герой все равно был счастлив и проработал там три года.

– Я получил удовольствие от того, что самостоятельно работал, делал то, что мог, что умел. Нагрузка была страшная. Я вел и русский язык, и литературу, а также историю, черчение, труд. Вел туристический кружок и фотокружок. Вести литературу параллельно с историей оказалось превосходно. Ведь эти дисциплины тесно связаны между собой.

Якутские ребята были плохо подготовлены. Но каждый из них все равно был в чем-то талантлив. Ковалев спросил у них однажды, почему они плохо учатся. Последовал ответ: «А зачем нам время тратить на учебу? Все равно потом будем коров или

свиной пасти». Оттуда мало кто поступал в вуз. Уже потом, вернувшись в Воронеж, Геннадий Филиппович случайно узнал, что четверо его учеников из Якутии поступили в университет. Такое было впервые для тех мест.

У меня в Якутии появился свой кот. Он был громадный, черный. Я звал его Цыган, с ударением на Ы. Выдрессировал. «Ну, что, Цыган, помнишь, как я учил? Не оплошай!»

– Снова все плохо диктант написали. Ну, посмотрите, все красной ручкой перечеркано. Что ж вы так плохо учитесь? Мой кот, и то лучше по-русски говорит, – они изумленные на меня смотрят. – Приходите после уроков ко мне, посмотрите, как он разговаривает.

Пришли. Стоят у дверей.

– Цыган, поздоровайся с ребятами.

– Мяу!

Ребята в ступоре. Как так, кот разговаривает!

– Цыган, кушать хочешь?

– Мяу!

– Может, тебе мяса дать? – говорю ему. Он опять:

– Мяу.

А дети в восторге. Они видят, что кот понимает, о чем ему говорят, но отвечает всего одним словом. Но отвечает же! Значит понимает. Более того, когда он стал есть на полу, я сказал: «Цыган, это не культурно, иди-ка на место». И кот понес колбасу на блюдечко и там ее доел. Подошел и просит глазами еще. Я говорю:

– А спасибо твое где?

Кот на полном серьезе сказал:

– Мяу.

Этот случай быстро разнесся по селу. И ко мне уже взрослые стали приходить, послушать, как кот по-русски говорит. А я им отвечаю:

– Да нет, он у меня только по-кошачьи.

Вот так и рождаются легенды. А мальчишки потом лучше учиться стали.

Якутия – страна богатая. Здесь большие запасы угля, золота, алмазов, лиственницы. Но, по мнению самих якутов, это никому не нужно. Геннадия Филипповича это сильно удивляло. Он не понимал, почему якуты печи топят дровами, хотя у них уголь под ногами лежит и каждый год сам возгорается.

– Там прекрасная природа. Летом температура за 30 градусов. Сухо, почти без дождей. Речка чистая. Выплываешь на середину, а там глубина 3–4 метра. И виден каждый камешек, каждая травинка, рыбки плавают. Чистейшая вода. Грибов – море. Я их собирал и заготавливал. Потом научил якутов грибы мариновать. Это мне очень дорого обошлось. Как только какой праздник или свадьба: «Пилипыч, приходи на праздник, возьми баночку грибов».

За три года Ковалев настолько привык к Якутии, к ее неповторимой прекрасной природе, что, находясь летом в отпуске в родном Воронеже, скукачал по северным широтам и говорил маме: «Все, поеду домой, в Якутию!»

ИМЯ И СУЩНОСТЬ

Но в Воронеж он все-таки вернулся. На любимый факультет. К сожалению, места в аспирантуре на кафедре славянской филологии не оказалось, и молодому филологу, имевшему опыт обучения иностранцев, предложили поработать на подготовительном факультете для иностранных граждан. И только через два года ему предложили работу на кафедре русского языка.

Очень быстро защитил кандидатскую диссертацию и издал свою первую монографию «История русских этнических названий».

В 1991 году Геннадия Филипповича назначают новым заведующим кафедрой славянской филологии.

В это время Ковалев продолжает изучать этнонимии славянских языков, по которой пишет докторскую диссертацию, а после ее защиты берется за новое направление – литературную ономастику.



Презентация новой книги

– Ономастика – наука сложная, она касается сразу нескольких дисциплин: затрагивает историю, литературу, язык, антропологию, археологию. Сейчас на ономастику смотрят лишь с позиции «Как тебя зовут?». На самом деле вся наша история идёт через ономастику. За что ни возьмись, везде будут имена. Вот Бородино. Можно даже не подставлять год, название сразу скажет о дате – 1812-й. К сожалению, для того чтобы заниматься ономастикой, мало знать родной язык, нужно знать несколько родственных и иностранных, тогда у вас что-то выйдёт. Кроме нашей кафедры, мало кто занимается ономастикой. Но дело движется. Например, я издал такие книги: «Литературная ономастика», «Писатель и имя» «Пушкин. Ономастический комментарий». В проекте – «Ономастическая энциклопедия Воронежской области». Наша лаборатория лингвокраеведения выпустила «Словарь микропонимов Воронежской области». В ней мы объединили историю и язык, не рассматривая их по отдельности. А еще наша кафедра не так давно выпустила такие книги, как «Словарь воронежских говоров», «Ономастика творчества А. А. Шаховского», «Наименование одежды в русских говорах Воронежской области».

ПОМОГАТЬ ДРУГИМ И НЕ МЕШАТЬ НИКОМУ

К своим студентам профессор Ковалев относится, как к детям. На кафедре и факультете он старается работать так, чтобы помогать другим и не мешать никому, – это его правило. Главным человеком на кафедре славянской филологии считает студента. Уверен: не будет студентов – и вообще бессмысленна работа вузовских преподавателей. «Если вы будете учиться на тройки – нам с вами не по пути», – говорит обычно своим подопечным. Ведь серьезная научная деятельность требует отдачи.

– Факультет не может сделать из человека первокурсника филолога, если он сам не захочет учиться, если у него не будет мотива. Карл Маркс на старости лет начал изучать русский язык. У него была мотивация. Поэтому учиться никогда не поздно.

На кафедре зазвонил телефон. Профессор взял трубку.

– Здравствуйте! Геннадия Филипповича можно? – услышала я.

– Можно, – отвечает он. – Геннадь Филиппыч! – позвал. Через секунду сам же отвечает: «Слушаю»...

В этом весь он – профессор Ковалев.